

*Посвящается 150-летию
со дня рождения Ф. Энгельса*

М. М. ГУХМАН

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ И КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

1. Расцвет политической, агитационно-пропагандистской и полемической литературы в эпоху Реформации и Крестьянской войны свидетельствует о необычайной интенсивности общественной жизни, о поразительном накале политических страстей. Характеризуя размах революционного движения в первые годы после выступления Лютера в Виттенберге (1517), Ф. Энгельс писал: «Весь немецкий народ пришел в движение. С одной стороны, крестьяне и плебеи увидели в его воззваниях против попов, в его проповеди христианской свободы сигнал к восстанию; с другой стороны, к нему примкнули более умеренные бюргеры и значительная часть низшего дворянства; общий поток увлек за собой даже князей»¹. Широкие круги народа вовлекаются в религиозные и политические диспуты. Жгучие вопросы обсуждаются не только на церковных соборах, в университетских аудиториях, но и на городских площадях, где перед многотысячными толпами выступали ораторы, представлявшие разные религиозно-политические течения. Острота подымавшихся вопросов, их злободневность способствовали, при отсутствии периодической печати, почти внезапному росту популярности политической литературы, издававшейся в форме листовок (Flugschrift, Flugblatt)². Этим термином в исторической литературе обозначаются брошюры малого формата, отнюдь не одинаковые по объему (от 3—4 страниц до 50—60), по своему содержанию чаще всего связанные с текущими событиями. В условиях острой идеологической борьбы листовки становятся излюбленной формой политической и агитационной литературы. Их популярность поразительна: сотни листовок печатаются у наиболее известных издателей того времени; на юго-западе Цюрих, Базель, Страсбург, Ульм, в Средней Германии Майнц, Шпейер, Бамберг, Эрфурт, Лейпциг, Дрезден, Виттенберг, Цвиккау, на юго-востоке Аугсбург и Нюрнберг являются теми центрами, где печаталась политическая литература. Многие листовки переиздавались: известная листовка, содержащая требования восставших крестьян, была, например, опубликована в 22 изданиях. Политические листовки распространяются по всей стране. Они продаются на рынках, читаются вслух среди неграмотных, раздаются бесплатно.

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, в кн.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., 7, М., 1956, стр. 365. Энгельс неоднократно подчеркивал буржуазно-революционный характер Реформации. В наброске «К Крестьянской войне» он отмечал: «Реформация — лютеранская и кальвинистская, — это буржуазная революция № 1 с Крестьянской войной в качестве критического эпизода» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., 21, М., 1961, стр. 417).

² В XVI в. термин этот не употребителен. Ему фактически соответствуют такие термины, как: büchlein/büchlin, реже quatern. Последний термин, в частности, употребляет в своих брошюрах известный деятель католической церкви и противник Лютера Иоганн Кохлеус.

В 1521 г. Кохлеус писал из Франкфурта папе Александру, что во время осенней ярмарки книжный рынок был наводнен антипапистскими листовками. В разных городах, в том числе на рынке в Ульме, продавались 12 статей восставших крестьян. Весной 1527 г. Лейпцигский городской совет арестовал двух студентов, продававших копии листовки «Von der neuen wandlung eynes Christlichen Lebens», представлявшей собой один из ранних образцов литературы утопического социализма³. В приговоре аугсбургского магистрата по делу книготорговца и проповедника Ганса Гута, одного из сподвижников Т. Мюнцера, сообщается, что он продавал и распространял листовки Мюнцера по всей Франконии, а впоследствии направился с той же целью в Франкенхаузен (Тюрингия), где весной 1525 г. был сосредоточен многотысячный лагерь восставших крестьян⁴.

Впервые в истории Германии была осознана сила печатного слова. Писатели и поэты, как Т. Мурнер и Г. Саус, видные деятели гуманизма, среди них У. фон Гуттен и М. Буцер, профессора университетов, в том числе Ф. Меланхтон и И. Агрикола, представители разных слоев духовенства — князья церкви, настоятели соборов и монастырей, проповедники и монахи, среди них У. Цвингли и И. Экк, И. Кохлеус и М. Лютер, Т. Мюнцер и И. Фабри, Шапелер и Кетгенбах и десятки других, оставшихся неизвестными, выступают в качестве авторов политических листовок. В целях пропаганды и агитации листовки используют самые разнообразные жанры письменности: послание и проповедь, сатирические стихи и песни, поэмы, диалоги, стихотворный комментарий под карикатурой, политический трактат, хроникальные записи. Не укладываются в рамки традиционных жанров многочисленные листовки-прокламации, содержащие требования восставших крестьян.

Но сила печатного слова, его роль в идеологической борьбе вскоре становятся очевидными и для представителей светской и духовной власти. Уже в 1521 г. в указе, изданном в связи с решениями Вормского собора, запрещается под страхом жесточайших наказаний сочинение, печатание, продажа и распространение книг, враждебных католической церкви и существующему политическому режиму. Преследования оппозиционной литературы не повлияли, однако, на число издаваемых листовок: преобладающее большинство публикаций относятся к периоду от 1520—1525 гг., т. е. они издавались преимущественно в годы, последовавшие за Вормским эдиктом, запрещавшим их печатание. Единственным последствием запретов и репрессий было появление множества анонимных изданий, авторы и издатели которых остались неизвестными. Этим объясняется и тот факт, что среди цитируемых ниже листовок многие являются анонимными, а в отношении большинства не указаны год и место издания.

Хотя мы не знаем, даже приблизительно, числа политических и агитационных листовок, опубликованных в эту эпоху, так как многие листовки уничтожались и сжигались вскоре после их издания, другие были утрачены в последующие десятилетия, даже имеющиеся неполные данные позволяют утверждать массовый характер этих изданий⁵. Необходимо лишь

³ Автором этой листовки был, по-видимому, Ганс Хергот, один из последователей Томаса Мюнцера, арестованный в Цвиккау в 1527 г. и впоследствии казненный.

⁴ Ch. Meuser, Zur Geschichte der Wiedertäufer in Oberschwaben, «Zeitschrift des historischen Vereins für Schwaben und Neuburg», Augsburg, 1874, стр. 252—253.

⁵ Известное представление о многочисленности политических листовок дает каталог франкфуртской коллекции, составленный Паулем Хоэнэмзером (P. H o e n e m s e r, Flugrifensammlung Gustav Freytag, Frankfurt am Main, 1925). В каталоге приводятся, включая переиздания, свыше 800 листовок, связанных с событиями этой эпохи. Насколько неполной является коллекция, видно из того, что в ней отсутствует большинство листовок Мюнцера и многие другие листовки революционного лагеря.

иметь в виду своеобразие понятия «политическая литература» в применении к рассматриваемой эпохе.

Анализируя особенности политических движений XV—XVI вв., Ф. Энгельс отмечал, что в условиях средневековья все революционные, социальные и политические учения должны были неизбежно представлять собой одновременно и богословские ереси. Поскольку церковь в эту эпоху являлась наиболее общим синтезом и наиболее общей санкцией существующего феодального строя⁶, критика современных общественных отношений была неразрывно связана с борьбой против господствующей церкви, а положительная программа, предлагаемая реформаторами и их последователями, давалась в терминах той же христианской религии с опорой и систематическими ссылками на Ветхий и Новый Завет⁷. Соотношение чисто политических вопросов, требований и задач, с одной стороны, и религиозных мотивов, с другой, отнюдь не стабильно. Оно варьируется от листовки к листовке и зависит от тематики, от политических взглядов и идеологии ее автора. Сами формы, в которых реализуется это своеобразное сочетание двух начал, многообразны и отражают более или менее непосредственно сложные процессы политической и идеологической борьбы, потрясавшей тогда Германию.

Блестящий анализ расстановки классовых сил в канун Крестьянской войны и тех изменений, которые происходили в лагере бюргерской оппозиции по мере нарастания революционного движения среди крестьянства и городских плебеев, содержащийся в известной работе Энгельса «Крестьянская война в Германии», дает основу для группировки листовок в зависимости от их социального содержания и политических взглядов их авторов. Выделяются три группы листовок: листовки, пропагандирующие идеологию католического лагеря, в которых фактически безоговорочно защищаются догматы господствующей церкви, феодальный порядок, особенно закрепощение крестьян, и листовки бюргерской оппозиции; поскольку, однако, в лагере оппозиции после опубликования известной листовки Лютера «An den Adel deutscher Nation» начался раскол, усилившийся по мере обострения классовой борьбы, то и этот процесс получил отражение в листовках. Листовкам идеологов бюргерской оппозиции, Лютера против восставших крестьян, где автор призывал к беспощадной расправе с непокорными⁸, Меланхтона, защищавшего крепостное право⁹, противостоят листовки третьей группы — политические трактаты, проповеди и послания Т. Мюнцера, Г. Хергота и многих анонимных авторов, выступавших в интересах крестьянства и беднейшей части городского населения против гнета и произвола властей, против имущественного неравен-

⁶ См.: Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 361.

⁷ В «Заметках о Германии» Энгельс писал: «Немецкое бюргерство совершило свою революцию, которая, согласно духу времени, проявилась в религиозной форме — в виде Реформации» (К. Маркс, и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., 18, М., 1961, стр. 572).

⁸ Ср. листовки: M. L u t h e r, Ermanunge zum friden auff die zwelff artickel der Bawrschafft ynn Schwaben Auch widder die reubischen vnd mordischen rotten der andern bawren Marthin Luther, Wittenberg, [1524]; M. L u t h e r, Eyn Sendebrief... widder die bauren. Martinus Luther, Wittenberg MDXXV; Luther, Eyn brief an die Fursten zu Sachsen von dem aufrurischen geyst, Wittenberg, 1524.

⁹ Ф. Меланхтон не только утверждал божественное происхождение власти императора и князей, но и проповедывал греховность стремления ликвидировать крепостничество. «Es ist auch eyn freuel vnd gewalt, das sie nicht wollen leybeygen seyn» (листовка: Ph. M e l a n c h t o n, Eyn schriff Philipp Melancthon widder die artickel der Bawrschafft [6. м., 6. г.]).

ства, против богатей, грабящих народ, против лжепророков, искажающих подлинное евангелие Христа¹⁰.

В преддверии Крестьянской войны острая вражда реформаторов против католической церкви, ее иерархии и ее догматов как бы отошла временно на задний план: Лютер и папа, городской патрициат и князя объединились против восставших крестьян и плебеев, идеологи которых вынуждены были, подобно Т. Мюнцеру, вести борьбу на два фронта. Однако, как показывает лингвистическое исследование, классовая принадлежность и политические идеалы авторов листовок отражались отнюдь не непосредственно и прямолинейно в языке политической литературы. Социальная дифференциация языка листовок была соотнесена с другими типами языковой дифференциации — с варьированием территориальным и жанрово-стилистическим, она реализовалась в различном отборе территориальных и жанрово-стилистических вариантов.

2. Появление политической литературы на немецком языке было само по себе фактом исключительной общественной значимости. Для положения немецкого языка в начале XVI в. показательным, что первые полемические произведения общественно-политического содержания пишутся и печатаются на латинском языке. В числе их авторов — Эразм Роттердамский, Иоганн Рейхлин, Ульрих фон Гуттен. По мере обострения политической борьбы растет число листовок на немецком языке, как оригинальных, так и переводных с латинского языка. Переход на немецкий язык отражал стремление авторов влиять на широкие общественные круги¹¹. В одной из политических листовок известного деятеля Реформации Эберлина фон Гюннбург на титульном листе было написано: «Warum doctor Luther vnd her Vlrich von Hutten teütsch schriben. Wie nutz vnd not es sy sollich ding dē gemeinem man für kom». Der gemeine man «простой человек» впервые рассматривается как значительная общественно-политическая сила. На него часто рассчитана ведущаяся полемика по самым жгучим вопросам современности. И хотя адресаты листовок принадлежали к разным общественным кругам, что и являлось одним из факторов жанрово-стилистической дифференциации языка политической литературы, все же справедливым является утверждение, что здесь впервые в истории немецкого народа родной язык становится языком агитации и пропаганды среди широких народных масс. Этот факт не мог не оказать влияния на развитие немецкого письменно-литературного языка.

Привсем стилистическом многообразии языка политической литературы и несмотря на то, что в языке многих листовок имелись значительные эле-

¹⁰ Ср.: Außgetrückte emplö/sung des falschen Glaubens der ungetrewen / welt / durchs gezeügnus des Euange / lions Luce / vorgetragen der elen- / den erbermlichen Christenheit... Thomas Muntzer mit dem hammer, Mülhausen, MDXXIII; Von dem getichten glauben auff nechst Protestation außgangē Tome Müntzers Selwertes zu Alstet, Alstedt, MDXXIII; Hochverursachte Schutzrede / vnd antwort / wider das Gaistloße Sanfft / lebende fleysch zū Wittenberg. Thomas Müntzer / Alstedter / Anno MDXXIII, (листовки перепечатаны в «Thomas Müntzer, Politische Schriften», hrsg. von C. Hinrichs, Halle, 1950); Joh. Hergot, von der neuen wandlung eynes Christlichen Lebens. [1527], перепечатана в «Aus dem sozialen und politischen Kampf», hrsg. von A. Götzte und L. E. Schmitt, Halle, 1953; анонимная листовка «An die versamlung gemayner Paverschafft» [б. м., б. г.].

¹¹ Ульрих фон Гуттен, начиная с 1520 г., публикует листовки на немецком языке, одни из них являются переводом с латинского языка, другие написаны на немецком языке. Показательно в этой связи его четверостишие, приведенное К. Шоттенлозером «Latein ich vor geschriben hab / Das ein jeden nit bekant / jetzt schrei ich an das Vaterland Teutsch Nation in ihrer Sprach / zu disen Dingen Rach» (K. Schottelohner, Flugblatt und Zeitung, Berlin, 1922, стр. 67). «Ранее я писал на латинском языке, который не всем понятен, теперь же я призываю к мщению родину и немецкую нацию на их языке».

менты обиходно-разговорной речи (о чем см. ниже), в целом они представляют собой реализацию письменного языка. И хотя степень обработки языка, его шлифовки была неодинаковой у разных авторов, ошибочно было бы искать здесь непосредственное отражение разговорной речи народных масс. Авторы многих листовок были людьми с университетским образованием, изучавшими классические языки и литературу, средневековую философию и теологию, некоторые из них были связаны с деятельностью университетов, крупных канцелярских центров или издательской практикой. Не только автор блестящей анонимной листовки «An die versamlung gemayner Paverschaft»¹² обнаруживает незаурядные знания по древней истории и мастерское владение приемами ораторской речи¹³, но и листовки, содержащие требования крестьян, написаны людьми, владевшими книжным языком¹⁴. Бесспорно, языковая культура Гутена и Лютера, Кохлеуса и Региуса была иной, чем культура Штифеля, Мюнцера, Хергота и авторов некоторых анонимных листовок, независимо от того, что Кохлеус и Региус принадлежали к католическому лагерю, Лютер и Штифель к бюргерской оппозиции, а Мюнцер и Хергот к революционному крылу, причем различия в языковой культуре соотносены с социальной стратификацией их языка, но этот факт не противоречит общей характеристике языка политической литературы, изложенной выше.

Анализ территориального варьирования в языке листовок показывает не только отсутствие тождества между локальными вариантами этого языка и соответствующими диалектными ареалами¹⁵, но и более или менее последовательный отказ от узкодиалектных форм; поэтому наддиалектный характер языка политической литературы можно постулировать в качестве одного из важнейших его признаков. С этим связано и наличие в этом языке, помимо локальных особенностей, изоглосс более широкого охвата, объединяющих местную практику письменного языка с практикой других центров.

В отборе локальных признаков, включении одних и отказе от других отражалась своеобразная социальная оценка не только лексики и фразеологии, но и фонетико-орфографических и морфологических особенностей. Так, например, делабиализация *ö, ü*, охватившая большинство верхненемецких диалектов, за исключением восточнофранкского, среднефранкского, южной части верхнеалеманского и тюрингского, получала разное отражение в языке политической литературы. Среди листовок, изданных в Аугсбурге и Страсбурге, т. е. районах, где делабиализация характеризовала диалектную речь, выделяются две группы. Первая группа в Аугсбурге представлена знаменитой листовкой «*dye Grundtlichen vnd rechten haupt/Artickel*», изданной Раммингером, где делабиализация имеется в 14 лексе-

¹² Выказывалось предположение, не очень достоверное, что автором этой листовки был упоминавшийся выше Ганс Гут, см.: Н. Н e s s e l b a r t h, *Eine Flugschrift aus dem großen Deutschen Bauernkrieg*, «*Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*», 4, Halle, 1953, стр. 550.

¹³ Полное название листовки «*An die versamlung gemayner Paverschaft / so in Hochdeutscher Nation / vnd vil anderer ort / mit empörung vñ auffrühr entstandē: ob jr empörung billicher oder vnpillicher gestalt geschehe / vnd was sie der Oberkeit schuldig oder nicht schuldig seind gegründet aus der heyiligen götlichen geschrift / von Oberlendischen mitbrüdern gütter maynung außgangen vnd beschrieben*».

¹⁴ «*Dye Grundtlichen vnd rechten haupt / Artickel alle Baurshaft vñnd / Hynderessen der Gaistlichen vñ Weltlichen oberkayten / von wolchen sy sich beschwert vermainen*» [M. Ramminger, 1525? Аугсбург]; «*Handlung Artickel vnd Instruction so furgenomē sein worden von allen Rotten vnd hauffen der Bawren / so sich zusamen verpflichtet haben*», 1525 [б. м.].

¹⁵ М. М. Г у ч м а н н, *Der Weg zur deutschen Nationalsprache*, Тl. 2. Berlin, 1969, стр. 131—132.

мах при небольшом объеме листовки (в том числе *gegrind* «основан», *wirdig* «достойный», *zugeherendt* «принадлежат» и т. д.), диалогом «*Ain schöner dialogus vnd gesprech zwischen ain Pfarrer vnd ain Schulthaiß...*» (1521) (где имеются *freynd* = *Freund*, *fiert* = *führt*, *wirfel* = *Würfel* и т. д.), а также некоторыми листовками, изданными у разных аугсбургских печатников. Во вторую группу аугсбургских изданий входят листовки известных проповедников и реформаторов, Кеттенбаха, Шапелера, Швальба, где делабиализация обнаруживается в единичных примерах. Аналогичная ситуация наблюдается и в страбургских изданиях, где также могут быть выделены две группы листовок в зависимости от частотности делабиализованных форм. Дополнительный материал дает сопоставление печатного текста листовки «*Handlung Artickel vnd Instruction*» (см. примеч. 10) и рукописного варианта¹⁶, текстуально очень близкого, но содержащего такие делабиализованные формы, как *gieter* = *Güter*, *critzer* = *Kreuzer*, *miessen* = *müssen*, *herte* = *hörte* и т. д. По-видимому, можно предполагать, что определенная группа авторов рассматривала делабиализацию как явление, чуждое письменной-литературной традиции, присущее только более низким сферам общения. Социально-оценочный критерий как бы накладывал запрет на делабиализованные формы. Существование же листовок, где этот запрет не действовал, объясняется неоднородностью социального состава авторов, а также издателей и корректоров. Возможно, что сходные побуждения обусловили исключение разных узкорегionalных форм из языка листовок, как это имело место и в других типах письменности. Практически буквально единичны случаи отражения монофтонгизации *ou* и *ei*¹⁷ в восточнореднемецких изданиях, или перехода $\hat{a} > au$ у юго-восточных авторов и т. п.

С другой стороны, прослеживаемое формирование обобщающих изоглосс путем проникновения закономерностей письменной традиции одного ареала в варианты письменной-литературного языка другого ареала определялось общественной значимостью данной письменной традиции или точнее данного локального варианта литературного языка. В конце XV, начале XVI в. такую общественную значимость приобрел литературный вариант, оформившийся в конце XV в. в Аугсбурге и ставший при Максимилиане господствующей нормой канцелярии императора. Показательным для положения языка политической литературы является проникновение ряда особенностей этого варианта литературного языка в листовки, связанные через своего автора и издателя с другими локальными традициями письменного языка.

Известно, что фонетическая система аугсбургского варианта характеризовалась, в частности, дифтонгизацией старых долгих гласных $\hat{i}$, $\hat{a}$, $\hat{y}$ и расширением старых дифтонгов *ou*, *ei*. В XVI в. данные процессы, возникшие ранее в юго-восточном ареале и отразившиеся в практике аугсбургских печатников XV в., получают распространение и в письменности тех районов, где они были чужды диалектной речи. Так, например, дифтонг *ai* < *ou* является господствующей нормой в восточнореднемецких листовках, старое *ou* сохраняется в языке отдельных авторов, в частности в листовках Эмзера, в листовке о разгроме крестьянского лагеря и т. д., в виде единичных примеров. Между тем *ai* < *ou* отнюдь не характерно для диалек-

¹⁶ Рукописный вариант напечатан, в частности, в «*Die Correspondenz des Schwäbischen Bundeshauptmanns Ulrich Arntzt von Augsburg*», hrsg. von W. Vogt («*Zeitschrift des Historischen Vereins Schwaben und Neuburg*»), Augsburg, 1870.

¹⁷ См.: В. М. Ж и р м у н с к и й, *Немецкая диалектология*, М., 1956, стр. 219; переход *ou* > $\bar{o}$ охватил восточнореднемецкие диалекты, рипуарский и часть мозельского диалекта; переход *ei* > $\bar{e}$ — восточнореднемецкие диалекты, средне-франкский и рейнско-франкский до границы эльзасского диалекта.

тов данного района. Как уже отмечалось, диалектам тюрингенско-саксонского ареала было свойственно стяжение *ou* > *ō*, почти не получавшее отражения в листовках из Эрфурта, Лейпцига, Дрездена, Виттенберга и Альштедта. Более продуктивным в языке политической литературы из этих городов был переход старого *ou* перед губными в *eu* типа *heupt* < *houpt*, *gleubt* < *gloubt* (см. дальше), однако почти у всех авторов, в частности у Лютера, Меланхтона и Мюнцера, параллельно употребляются юго-восточные варианты с *au*, ср. у Меланхтона *glewben*, но *glaub*, у Мюнцера *glewben* / *glawben*, *kheuffen* / *khauff*; иными словами, местные локально ограниченные формы отстают под натиском форм, воспринимавшихся как признак социально более значимого письменного варианта. Быть может, еще более показательно проникновение новых дифтонгов на юго-запад в листовки, изданные в Страсбурге и Базеле.

В страсбургских изданиях могут быть выделены две группы листовок: в языке первой группы продолжает действовать традиция, наметившаяся еще в XV в., выражавшаяся в довольно произвольном смешении «своих» и «чужих» норм, ср. в изданиях Грюнингера, в том числе в известной листовке Т. Мурнера против Лютера¹⁸ — *lüt* / *leut*, *tütscher* / *deutscher*, *dem reich* / *kunigkrich*, *find* = *Feind*, *isen* = *Eisen* и т. д. Аналогичные факты наблюдаются и в листовках, напечатанных у других издателей; определяющим фактором является общая склонность автора к местным традициям и пренебрежение к стандартизации языковой формы, ср. листовку Штиффеля, изданную Шоттом¹⁹, где встречаются *triben* = *treiben*, *erdtrich*, *schühen* = *Scheune*, *luter* = *lauter*, *verglychen* = *vergleichen* и т. д., но *zeit*, *mein*, *sein*, *leib*, *bleibt*, *teuffe* и т. д. Вторая группа листовок издана Шоттом, Флахом, она включает произведения Гуттена и ряд диалогов, отличающихся обработанностью языка и фактическим отсутствием региональных и просторечных форм; язык этих листовок почти полностью примыкает в отношении новых дифтонгов к юго-восточной норме. Недифтонгизированные формы здесь единичны. Обращает на себя внимание тот факт, что в этих же листовках отсутствует и деллабиализация; тем самым, по-видимому, в них запечатлен более «высокий» стиль письменно-литературного языка. Предположение это подтверждается и принципами отбора лексики и системой стилистических приемов, о которых подробнее несколько дальше.

Становление обобщенных изоглосс, отталкивающих региональные формы на периферию, осуществляется в языке политической литературы неравномерно; расхождения обусловлены частично политическим и экономическим положением отдельных районов, где создавалась политическая литература, частично социальной стратификацией языка этого типа письменности. Так, например, объединительные тенденции, центром излучения которых в ту эпоху были прежде всего юго-восточные города и в значительно меньшей степени восточносреднемецкие районы²⁰, разбивались об арьер, созданный юго-западной письменно-литературной традицией. Длительная

¹⁸ «An den Großmechtigsten vnd Durchlüchtigsten adel tütscher nation, das sye den christlichen glauben beschirmen, wyder den zerstörer des glaubens christi Martinum luther, einen verfierer der einfeltigen christen (1520)», перепечатано в «Neudrucke deutscher Literaturwerke des XVI und XVII Jahrhunderts», Halle, 1899.

¹⁹ «Brüder Michael Styfel / Augustiner von // Eßlingen // Von der Christformigen, rechtgegründten leer Doctoris / Martini Luthers, ein überuß schön, kunstlich // Lyed sampt seyner neben vßlegung», перепечатана в «Flugschriften aus den ersten Jahren der Reformation», III, Leipzig — New York, 1909.

²⁰ Влияние последних прослеживается не только в закреплении форм типа *son*, *sonder*, а также некоторых лексических единиц, встречающихся в аугсбургских листовках, но и в личных показателях множественного числа: среднемецкая парадигма 1-е лицо *-en*, 2-е лицо *-et*, 3-е лицо *-en* проникает в аугсбургские издания, вытесняя местные формы.

борьба швейцарских городов против императора, способствуя экономическому и политическому обособлению, вызвала развитие сепаратистских тенденций и в языке. Для швейцарских авторов и издателей узус юго-восточной традиции был чуждой нормой, нередко вызывавшей насмешки.

В листовках У. Цвингли и других швейцарских реформаторов стойко сохраняется местная традиция литературного языка с ярко выраженными локальными признаками: отсутствие новых дифтонгов, отсутствие перехода $ou > au$, сохранение в безударных слогах i, o наряду с редуцированным e : *versichrot, kreftigosten, wenigost, sygind = seien* (у Цвингли), *wüsti, lieby, fully*; глагольная парадигма, где 1, 2, 3-е лица мн. числа имеют окончание $-nd$, локальная лексика — *nüt = nicht, kilche = Kirche, irtung = Irrung, lügen* «смотреть», *losen* «слушать» и т. д.

Сепаратистские тенденции в развитии литературного языка поддерживались и обособленностью реформаторской деятельности Цвингли. В этих условиях социальная значимость формирующихся на юго-востоке и в восточнореднемецких городах будущих норм национального литературного языка была практически равна нулю.

Однако соотношение объединительных тенденций и локальных признаков было и в языке листовок из других центров Германии не одинаковым: оно зависело от социального положения автора, от уровня общей и специально языковой культуры, от наличия или отсутствия сознательного стремления к совершенствованию языковой формы политической литературы. Интересный материал в этом направлении дает анализ языка политической литературы из восточнореднемецких городов.

В языке восточнореднемецких листовок, как и в художественной, религиозной литературе, в практике канцелярий курфюрста саксонского, а также канцелярий разных восточнореднемецких городов достаточно четко прослеживается отступление местных форм под влиянием более южных норм: это выражается в ограничении таких явлений, как переход $e > i$ типа *wilcher = welcher, hirschaft = Herrschaft*; $o > u$ — *fur = vor, furt = fort, u > o*, типа *son, sommer, sonder, wortzel*; $ou > eu$, ср. *heubt, gleubt, o > a*, ср. *ader, sal*; локальных вариантов префиксов *vor = ver, zu-/zur = zer* и т. д. Регионально-ограниченные формы заменяются более общими, типа *welcher, herrschaft, wurtzel, haupt, sol, zer-, ver-* и т. д. Однако у авторов разных листовок этот процесс обнаруживается с разной степенью интенсивности. Малоустойчивыми оказались в целом региональные формы в листовках Лютера: единичные $u > o$ *sonst, sonder*²¹, но *kunig, frum, mugen, durffen, munch* («An den christlichen Adel deutscher Nation»); единичные формы с $eu < ou$ типа *gleub*, но параллельно, как известно, представлены и южные варианты; единичные случаи перехода $e > > i$, ср. *wilcher, hyrschet*; единичен переход $o > a$, причем наряду с *ader* встречается и *oder*, вторая форма преобладает, обычно *sol*, а не *sal*; наряду с *vor-* употребляется и *ver-*. Значительно более устойчивы региональные формы в языке листовок Т. Мюнцера, особенно в рукописных вариантах первой его листовки²². Помимо таких региональных образований, как

²¹ Случаи единичного перехода $u > o, ä > ö$ перед носовыми отмечаются во всех изданиях политической литературы от Цюриха и Страсбурга на западе до Виттенберга, Лейпцига и Дрездена на востоке, чаще всего в *sonder, son, sonst*.

²² Первая известная рукописная листовка Мюнцера, сохранившаяся в рукописном кодексе 1575 лейпцигской университетской библиотеки, относится к периоду его пребывания в Праге в 1521 г., куда он отправился после изгнания из Цвиккау. Этот манифест нового социально-религиозного учения известен в исторической литературе под названием «Prager Anschlag». Он сохранился в двух немецких вариантах, а также в переводе на чешский и латинский языки. Из немецких вариантов более краткий написан рукой Мюнцера и датирован 1 ноября 1521 г. (частично опубликован в «Thomas

tull = toll, устойчивого употребления *duz* «это», *dusset* «этому», хотя встречается и *dysse*, явно преобладающее в более поздних листовках, помимо региональной формы *ore* «ее», у Мюнцера весьма продуктивен переход $u > > o$, $\ddot{u} > \ddot{o}$, особенно перед *r* (характерная черта тюрингского ареала), ср. *son*, *sonder*, *sonne*, *könig*, *möge*, *bekömern* = *bekümmern*, *abrönig* = *abrünig*, *born* = *Brunnen*, *erworgen* = *erwürgen*, *dorfenn* = *dürfen*, *dorch* = *durch*, *spöreth* = *spürt*, *nör* = *nur*, *görtel* = *gürtel*, *wortzeln* = *Wurzeln*, *korzen* = *kürzen*, *verkortzet*, *zörne* = *zürne*, но встречается и *sunderlich*, *mugen munch*; представлены и $i < e$ — *wilche*, *kilch* = *Kelch*, *wider*, *hirschest*; $eu < < au$. Особенно выделяется во всех мюнцерских листовках за исключением нюрнбергского издания, где явно чувствуется влияние более южной традиции печатника, устойчивость локальных вариантов префиксов *ver-* и *zu-/zur-*.

До известной степени можно утверждать, что в языке политических листовок Лютера за период 1520—1525 гг. и в языке произведений Мюнцера тех же лет отразились существовавшие различия в степени обобщенности письменно-литературного языка и, следовательно, в степени приближения к некоей относительно общей, хотя и некодифицированной норме. Анализ языка авторов из тех же или близких восточнотюрингских центров обнаруживает сходную картину: в одних листовках господствуют такие же закономерности, что и в произведениях Лютера, другие — тяготеют к Мюнцеру. Условно можно утверждать, что листовки группы виттенбергских деятелей Реформации Лютера, Меланхтона, Агриколы, связанных с виттенбергским и лейпцигским университетами, с многими ведущими работниками канцелярии курфюрста, в целом характеризовались стремлением к значительному преодолению локальной ограниченности, в отличие от произведений народного реформатора, агитатора и проповедника Томаса Мюнцера и ближайших его соратников. Интересно, в этой связи отметить, что язык канцелярии курфюрста Саксонского в Виттенберге отличается еще большим отказом от среднегерманских особенностей, чем это наблюдалось в листовках Меланхтона, Агриколы, Лютера: здесь отсутствует $u > o$ перед губными, отсутствует переход $e > i$ в *welche* и других подобных случаях, отсутствует среднегерманская форма *brenge*, господствующая в листовках из этого города, ограничен переход $u > o$ и т. д.²³ Иными словами, обособление от местной традиции было здесь еще более интенсивным, чем в языке первой группы листовок, что вело к сокращению дублетных форм и к большей унифицированности письменно-литературного языка. Обращает на себя внимание и тот факт, что в языке городских канцелярий, напротив, в значительно большей степени сохранялись локальные признаки: $u > o$, переход $e > i$ и т. д.²⁴

Müntzers Briefwechsel» hrsg. von H. Boehmer und P. Kirn, Leipzig — Berlin, 1931 стр. 139—159, с сохранением всех особенностей подлинника); расширенный вариант написан другой рукой и помечен более поздней датой — 25 ноября 1521 г. (опубликован в статье: E. Wolffgramm, Der Prager Anschlag des Thomas Müntzer in der Handschrift der Leipziger Universitätsbibliothek, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx Universität», Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, 3, Leipzig, 1956/1957).

²³ См.: G. Kettmann, Die Kursächsische Kanzleisprache zwischen 1486 und 1546, Berlin, 1967, стр. 78—80, 85—86, 76.

²⁴ См.: G. Kettmann, указ. соч., стр. 283—288. Вопрос о социальной стратификации письменного языка в Виттенберге оказался в центре внимания работы Г. Кетмана «Zur Soziologie der Wittenberger Schreibsprache in der Lutherzeit», напечатанной в «Muttersprache», 1968, 12, стр. 353—366. Изучая письменную практику представителей разных кругов интеллигенции, деятелей канцелярий, ученых, печатников и корректоров, автор пытался показать зависимость большей или меньшей стабильности языка от социального расслоения самого населения Виттенберга. Однако

Следовательно, максимальная обобщенность и нормированность фонетико-орфографической (а также морфологической) системы была представлена практикой канцелярий курфюрста; городские канцелярии и листовки первой группы виттенбергских авторов дают менее нормированный и локально более связанный вариант письменно-литературного языка; наконец, в листовках Мюнцера письменно-литературный язык получал еще более региональную окраску.

Однако особенно показательным для общей социальной характеристики языка политической литературы и социальной стратификации этого языка является отбор лексики и стилистических средств.

3. Злободневность, полемическая заостренность, эмоциональность влияли на критерии отбора лексики, фразеологии, стилистических приемов большинства листовок. В предыдущие десятилетия в развитии письменно-литературного языка сказывались тенденции к обособлению его лексики, фразеологии и стиля от обиходно-разговорной речи. Процесс этот был связан с известной архаизацией книжного языка, чему в не малой степени способствовала устойчивость старых шаблонов, созданных нередко по латинским образцам. Хотя в Германии XV, XVI вв. не существовало оформленных кодифицированных норм, регулирующих лексико-стилистический отбор, и не сложилась теория стилей немецкого языка, все же риторики конца XV в., в равной степени как и традиции латинской прозы и канцелярского стиля, создали более или менее устойчивые представления о лексико-стилистическом отборе, соотношенном с разными жанрами письменности. Существовали значительные различия языка произведений «серьезных» жанров, трактата, проповеди, хроники, поэмы и языка сатиры, памфлета, веселых комедий типа *Fastnachtspiele* даже в творчестве одного писателя. В условиях высокого накала идеологической и политической борьбы была разрушена привычная стратификация лексики и стиля, что приводило к широко распространявшемуся снижению языка таких жанров, как трактат, послание, проповедь. Стихия обиходно-разговорной речи взрывала старые каноны. Однако процесс этот реализовался отнюдь не во всех листовках с одинаковой интенсивностью; частично это зависело от жанра листовки: хроникальное повествование, даже в тех случаях, когда описывался трагический разгром отрядов восставших крестьян под Франкенхаузен²⁵, сохраняло традиционные формы в большей степени, чем листовки других прозаических жанров. Но вместе с тем, и независимо от жанра соотношение элементов обиходно-разговорной речи в ее разновидностях и традиционных форм письменно-литературного языка было отнюдь не одинаковым в произведениях разных авторов, что определялось многими факторами.

Помимо таких социальных факторов, как общественно-политические взгляды авторов, определявшие тематику листовки и влиявшие, что особенно существенно, на выбор потенциального адресата листовки — для каких общественных слоев она предназначена — стилистическая неоднородность была обусловлена сосуществованием в пределах одного литературного жанра разных языковых традиций. Так, например, в языке листовок-

приведенные факты недостаточны для реализации подобного замысла, тем более что исследовался только язык канцелярий и частной переписки ограниченного круга населения. К тому же детальная стратификация по профессиям, связанным с умственным трудом, не соответствует реальным общественным отношениям той эпохи; однако бесспорно существует зависимость региональной связанности языка, большей или меньшей его унифицированности от понимания специфики письменно-литературного языка, его стилистических границ, т. е. уровня языковой и общей культуры автора.

²⁵ См. анонимную листовку «Ein gloubwirdig vnd warhafftig vnderricht wie die Dhoringschen Pawnen von Frankenhawßen vnd Molhawßen erobert worden, 1525» [б. м.].

диалогов пересекались традиции классического диалога, проникавшие из латинской диалогической литературы в немецкие диалоги не только таких авторов, как гуманисты У. фон Гуттен, М. Бугер, но и Г. Сакс, и традиции народных комедий (Fastnachtspiele), характерная для многих анонимных диалогов, оказавшая влияние, в частности, на Г. Сакса²⁶. Переплетение двух противоположных традиций наблюдается и в таком популярном жанре, как проповедь-послание: здесь продолжает действовать, с одной стороны, влияние стилистических приемов теологической литературы на латинском языке, с другой — образцы немецкой проповеди с характерным для них стремлением приблизиться к стилю обоходно-разговорной речи; показательна в этой связи популярность произведений Гейлера фон Кайзерберга (1455—1510), проповеди которого многократно переиздавались в двадцатые годы XVI в., так как содержащаяся в них критика общественных устоев была созвучна настроениям прогрессивных социальных кругов. В условиях сосуществования разных стилистических традиций отбор осуществлялся в зависимости от целенаправленности листовки, от вкусов автора, чаще всего определяемых его общественной позицией²⁷. Размер данной статьи позволяет коснуться лишь некоторых вопросов и привлечь только ограниченный материал.

Одной из ярких стилистических особенностей языка политической литературы было широкое использование народных поговорок и пословиц.

Хотя поговорки и пословицы включаются в листовки разных жанров (исключением являются хроникальные заметки), наблюдается неодинаковая степень их использования у разных авторов. Наиболее часто они встречаются в группе диалогов, продолжающих традицию народной драмы (Fastnachtspiele), являясь одним из средств стилизации под народную речь. Почти не употребляет пословиц Гуттен, ср., однако, в переводном диалоге «Die Anschawenden» популярную пословицу *...wo sie der schüch truckt*, в значении «что им мешает; чего они страшатся»; отсутствуют поговорки в трактатах и посланиях католического проповедника У. Реггуса и многих других авторов, сохраняющих традиции книжной прозы, нет их и в листовках, излагающих требования крестьян.

Охотно используются пословицы и поговорки представителями лагеря буржуазной оппозиции: ср. у Кеттенбаха: *nach der alten geeygen tanzen* и *blinde maus spielen*; у швейцарского реформатора Гофмейстера *Sich wie schücht die flädernuß das liech/vñ isset aber so gern Späck vnd öl*; в листовке о Кнухеле, приписываемой базельскому печатнику Генгенбаху: *Eins andern agel im oug sehen vnd yn selbs ein balcken nit*, та же пословица встречается в анонимной листовке «An die versamlung gemayner Paverschafft...» с иным лексическим заполнением, вместо *agel* — *sprüßlein*. Но пословицы и поговорки употребляет также и хейльбронский священник Ляхман, не разделявший взглядов реформаторов, в послании к крестьянам, ср. *am gesang hört man wol was für ein vogel ist* и *die frucht verrathen den bäum*; наконец, не избегает их и теоретик католического лагеря, ожесточенный враг Лютера и Мюнцера, Кохлеус, ср. *durch die finger zugesehen* и даже *laus ins peltz*

²⁶ См.: G. N i e m a n n, Die Dialogliteratur der Reformationszeit, Leipzig, 1905; ср. также: K. S c h o t t e n l o h e r, указ. соч., стр. 88—98 и вводную статью к антологии «Die Reformation im zeitgenössischen Dialog», Berlin, 1968, стр. 16—20.

²⁷ Поэтому нельзя согласиться с оценкой языка листовок, сделанной мимоходом А. Широкауэром, одним из немногих языковедов, включившим этот тип литературы в общее рассмотрение языковых процессов XVI в. А. Широкауэр определяет языковой стиль листовок в целом как претечку гробанизма (A. S c h i r o k a u e r, Frühneuhochdeutsch, «Deutsche Philologie im Aufriß», hrsg. von W. Stammler, 2 Aufl. I, Berlin, 1957, стр. 896 и сл.), с чем нельзя согласиться именно из-за стиливой их неоднородности; справедливо другое его замечание, касающееся наличия в одном произведении элементов разных стилистических пластов.

setzen, буквально «посадить вошь в шубу (мех)», развозначное «пустить козла в огород». Как показывает приведенный выше ограниченный материал, использование данного стилистического средства не было соотносено с социально-политическим содержанием листовки: частично решающим фактором был общий языковой стиль произведения, наличие или отсутствие влияния старых традиций книжного языка, но известную роль играла и социальная позиция возможного адресата (ср. послание Лахмана).

Затруднительно также установить прямую зависимость лексического отбора, в частности использования обиходно-разговорной и просторечной лексики, от социально-политических взглядов авторов политической литературы. И здесь решает комплекс факторов. При этом следует принимать во внимание особенности полемического стиля той эпохи: не только в немецкой литературе, но и в полемических произведениях на латинском языке типа «*Eccius Dedolatus*» или «*Epistolae obscurorum virorum*» охотно обращались к грубым словам и фразеологизмам. Что касается рассмотренных немецких листовок, то здесь особо выделяется все та же группа диалогов (например, «*Karsthans*» или «*Ein lustiges gesprech der Römischen Pfaffen vnd Lutherischen Baur*») по обилию и грубости просторечной лексики и рискованных фразеологизмов, не являющихся типичными для языка политической литературы, в связи с чем этот материал не рассматривается в данной статье. За пределами этой группы диалогов обиходно-разговорная и просторечная лексика встречается у разных авторов, но в неодинаковом объеме. Остановимся на некоторых примерах.

Среди лексики полемического стиля выделяется группа слов, обозначающих бесодержательную болтовню, необоснованные высказывания, хвастовство — эта лексика встречается преимущественно в антипапистских листовках: ср. *die tollen plererr* «глупые болтуны», *die baaltesse pler* «болтуны Вааловы», *Endchristliche Blippenblapperer* «Антихристовы болтуны» называет Кеттенбах представителей высшего духовенства; *geplerr* «болтовня» (Карлштадт), *plappern* «болтать» (Ганс Сакс), *ploderer* «болтун» (Памфилий Гангенбах), *bochendt* «хвастаются» («An die versammlung gemayner Paverschafft»); в листовке против Иог. Фабера Цвингли писал *hab jnn für einen so gar verschlampten vppigen schwätzer nit gehept* «Я не считал его таким отвязленным, отвратительным (пышным) болтуном»; по-видимому, с воровским жаргоном связано *weschet er dohin* в значении «он болтает» в диалоге «*Vater vnnnd sun*». В том же ряду обиходно-разговорной лексики находится *boldern/poltern* «орать на кого-либо» (Штифель, Лахман, «An die versammlung...»). Свообразной просторечной метафорой является отрицательный эпитет *Hippenbiebsche* (Мурнер «An den Adels») «невосдержанные на язык, хулителю», но и «хулиганы» от *hippenbub*²⁸. У Г. Сакса в диалоге «*Disputation zwischen einem Chorherrn vnd Schuchmacher*»²⁹ в речи отрицательного персонажа употреблено аналогичное образование — *holhybub* и производное *aufgeholhipt*, ср. *Wie hat er den allerheiligsten Vater dem Babst, vnd vns würdige herren aufgeholhipt wie ein holhybub* «Он (речь идет о листовках Лютера. — М. Г.) надругался над святейшим отцом, папой римским, и над нами, достойными людьми, как уличный мальчишка (хулиган)». У Лагена в трактате «*Vonn gehorsam der Weltlich oberkeit*», изданном в Эрфурте в 1523 г. и направленном против крестьян, употреблено производное *holhipler* с суффиксом действующего лица и с тем же значением, что и *holhybub*.

²⁸ *Hippenbub* означало фактически уличного торговца печеньями (*hippe* «вафли»); обычно это были мальчишки, не отличавшиеся кротостью, вежливостью, любившие посядальничать. В листовках разных авторов оно используется как бранное слово, эквивалентное *хулиган*, *скандалист*.

²⁹ Цитируется по переизданию в «Die Reformation im Spiegel des zeitgenössischen Dialog».

Это слово встречается в произведениях Мюнцера, а также у многих других авторов. В одной из своих полемических листовок Карлштадт писал, что в диспутах против лжеучителей ему трудно удержаться от *«hohlhippelschem fluchen»*.

Из просторечной лексики, представленной в политической литературе, могут быть упомянуты также *alfanz* «шут; комедиант; обманщик; шутовство» и *vnflat* «грязь», *vnflatsche* «грязный». Первое из них попало в письменный язык только в XVI в., оно встречается у разных авторов, но преимущественно оппозиционного лагеря: ср. у Кеттенбаха — *alfantz vnnd betriegerey* «надувательство и обман», *alfanzer vnd schriftverkörer* «обманщики (шуты) и извратители писания» называет он монахов; в стихотворении Г. Сакса, приведенном в одной антипапистской листовке³⁰ слово это приведено в следующем контексте: «Die Römisch Babilonisch braut..., Mit jhren tückcen vnd alfantzen» «Римская невеста Вавилонова... с ее хитростями и обманом». Лютер употребляет его только в полемических листовках³¹. Второе слово также относится к низшей сфере просторечия. В 1572 г. оно числится в судебных списках как слово, за употребление которого следует штраф; позднее в словаре Кампе дана помета *pöbelhaft*. Но в листовках, преимущественно оппозиционных, оно получило распространение, в частности, оно встретилось в трактатах Хермана и Штёра, в политических выступлениях Мюнцера.

К этому же слою просторечия примыкают и другие элементы полемического стиля, преимущественно употреблявшиеся в антипапистских листовках, но и в полемике Мюнцера против Лютера: так, например, Меланхтон в одном из своих памфлетов называет всю корпорацию католического духовенства *hurn volk vnd mastsew* «проститутки и откормленные свиньи» («Figur des antichristlichen Bapts vñ seiner Synagog») ³², *die rot hur von Babilonien* «Красная проститутка из Вавилона» (намек на цвет одежды кардиналов) — обычная характеристика папы («... An die versammlung gemauder Paverschafft», листовки Кеттенбаха), ср. у Лютера о папском дворе — *ein hurhauß vbir alle hurheuffer* «самый отъявленный дом терпимости» («An den Adel...»).

Противники реформации, враги Лютера, Карлштадта, Мюнцера упрекали их за грубый тон полемики³³. Упреки эти были справедливы: достаточно вспомнить стиль Лютеровских листовок против восставших крестьян, где они клеймились как *rasende hunde* «бешеные псы», *aufzurische diebe* «бунтующие воры», *straßenreuber* «разбойники на большой дороге» и т. д., не говоря о стиле его антипапистских листовок (см. выше). Еще более резким был стиль мюнцеровской полемики: *eselisch fleisch* «ослиное мясо», *pott des teuffels* «горшок дьявола», *der schmeichelnde schelm zu Wittenberg* «льстивый плут из Виттенберга» называет Лютера преследуемый властями и затравленный Лютером Мюнцер. Этот тон полемики отнюдь не был присущ всем представителям оппозиционного лагеря: он чужд Гуттену, Херману, Шапелеру, Швальбу, Херготу, листовкам восставших крестьян.

С другой стороны, и среди деятелей католического лагеря широко использует просторечную лексику Мурнер, ср. в послании дворянству *juste* от глагола *jaufen* «насмехаться», заимствованное из воровского жар-

³⁰ «Eyn wunderliche weissagung /von dem Bapstumb/ wie es yhm bis an das ende der werlt gehen soll» [б. м., б. г.].

³¹ Ph. Dietz, Wörterbuch zu Dr. M. Luthers deutschen Schriften, Leipzig, 1870, стр. 51.

³² Место и год издания неизвестны.

³³ Ср., например, обвинения Урбана Регнуса в его листовке «Widder den neuen irsall Thomas Muntzers D. Andreas Karlstadt vñ anderer Schwürmer MDXXV» [б. м.].

гона, упоминавшееся выше *hippenbiebsche* и т. д. Достаточно грубым был тон полемики Эмзера против Лютера и выпады Кохлеуса: *lausige frytheit* «вшивая свобода» называл Кохлеус идеи реформаторов.

Использование обиходно-разговорной лексики и элементов просторечья в полемических целях не всегда было обусловлено политическими взглядами авторов, так как значительную роль играли и другие факторы: 1) стилистические традиции, определившие широкое употребление этих элементов в упоминавшейся выше группе диалогов, и, наоборот, их исключение из хроникальных листовок, а также в листовках, написанных в стиле канцелярской прозы (требования крестьян), или следовавших традициям «высоких» жанров (Гуттен); 2) расчет на те или другие общественные круги, которым была адресована листовка; 3) индивидуальные вкусы и общая культура автора, не всегда прямолинейно связанные с общественным положением автора и его идеологией; ср. стиль послания к дворянству пламенного защитника старого порядка Мурнера. Переплетение разных факторов осложняло картину, хотя в целом можно утверждать, что полемическая литература оппозиционного лагеря, особенно его революционного крыла в лице Мюнцера, Хергота, охотнее и шире использовала обиходно-разговорную и просторечную лексику.

Существовавшие же различия в языке представителей оппозиционного лагеря, частично связанные и с различием политических взглядов, особенно четко выступают при сопоставлении прозы гуманиста У. фон Гуттена, представителя мелкого дворянства, и прозы народного проповедника Т. Мюнцера. Различия касаются не только лексического отбора, но и всей совокупности стилистических приемов. В качестве примера этих расхождений ниже приводятся некоторые образцы речи обоих авторов. Гуттен обычно использует сравнения, метафоры, связанные с древней историей, мифологией, античной поэзией. В послании бюргерам города Вормса, написанном на немецком языке, он писал, предостерегая против пропаганды католического духовенства: *so wollent eich an sie nit keren/ sonder gegen jren Antschristlichen predigen/ gleych als gegen der Sirenen gesange Vlysses eüwer oren verstopffen* «не обращайтесь на них внимания, но подобно Улиссу, заткнувшему уши, чтобы не слышать пенье сирен, поступайте и вы по отношению к их антихристовым проповедям». Сравнения в прозе Мюнцера почерпнуты из действительности, близкой его слушателям; ср. в пражской листовке характеристику равнодушия служителей церкви: *Sye seyn nit wye dye henne, dye umb ore kinder her ghet und sye warm macht* «они не похожи на наседку, которая кружится вокруг своих детей, согревая их»; ср. там же о книжниках, не умеющих толковать живое слово: *meynen es sey gnuck, das es yn buchrn sey gescreybn und sye es so röch mugen rauszer speyghen wye der Störch dye frösze den iungen ins nest* «они думают, что достаточно, если написано в книгах и они могут это выплюнуть необработанным (сырым) подобно аисту, который выплевывает лягушек в гнездо своим птенцам», и т. д. Характерно, что и «литературные» сравнения Мюнцера строятся преимущественно на материале популярных в народе басен (ср. басню о лисе и волке в листовке против Лютера). Язык Гуттена и язык Мюнцера противопоставлены и по употребительности первопричастных оборотов, по выдержанности закономерностей порядка слов и т. д. Языковой стиль листовок Гуттена максимально следует эталону традиционного немецкого письменнолитературного языка, стиль Мюнцера отражает противоположные тенденции, сближаясь в этом отношении со стилем Лютера. Но у каждого автора к тому же свои особенности при всем существовавшем различии. На социальную стратификацию как бы накладывается индивидуальная авторская ма-
нера.